

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ЭЛЕАНОР
КАТТОН

СВЕТИЛА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(8Н03)-44
К 29

Eleanor Catton
THE LUMINARIES
Copyright © 2013 by Eleanor Catton
All rights reserved

This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC

ARTS COUNCIL
NEW ZEALAND TOI AOTEAROA
creative *nz*

Перевод с английского Светланы Лихачевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-08707-1

© С. Б. Лихачева, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

На первом плане роман Элеанор Каттон «Светила» — это добрый старый детектив. Энергичная, великолепно написанная история любви и похоти, алчности и убийства.

Однако на втором плане структура книги основывается на астрологии. Да-да, астрологии! Пользуясь звездными картами из журнала «Sky and Telescope» и компьютерной программой «Stellarium», автор рассчитывала движение звезд и планет по мере развития сюжета, ведь действующие лица связаны с небесными телами. Двенадцать «звездных» персонажей, соответствующих зодиакальным знакам, и семь «планетарных» персонажей — все вращаются вокруг персонажа-«земли», Кросби Уэллса, убитого при таинственных обстоятельствах.

Кто-то, пожалуй, решит, будто «Светила» — это пропахшая нафталином, оторванная от реальности сказочка, но нет. Хитрая структура придает роману чарующую многослойность, однако же можно с наслаждением оценить историю как таковую, астрологией вообще не заморачиваясь.

Это чертовски талантливое, до мелочей продуманное произведение — отчасти повесть о призраках, отчасти напряженный психологический триллер — лишний раз подтверждает, что Элеанор Каттон, несомненно, одна из ярчайших звезд в небесах мировой литературы.

The Bookseller

«Светила» — это подлинный шедевр. Каттон создала остроумную пародию на викторианский роман и одновременно — роман двадцать первого века, нечто совершенно новое. Шелестят страницы, массивная тяжесть книги смещается справа налево, целый мир открывается нашим глазам и снова исчезает за закрытой дверью, а душа человеческая предстает нам во всей своей противоречивой безысходности. Точнее, в славе. А что до объема, безусловно, такая замечательная книга слишком длинной никому не покажется.

New York Times Book Review

Каттон прорисовывает своих персонажей подробно и тонко... В результате мы получаем не просто роман, а великолепно продуманный павильон кривых зеркал. Добро пожаловать внутрь!

Washington Post

Роман виртуозный, невероятно сильный, от такого не оторваться... Захватывающий, ловко закрученный сюжет ведет нас к эффектному финалу — уверенно и властно... Подобно Куросаве в «Расёмоне», Каттон предоставляет голос то одному, то другому рассказчику, их истории переплетаются, противоречая друг другу, и каждый успевает сыграть роль детектива... Как и Сара Уотерс, Каттон мастерски использует инструментарий старомодного сюжета... неудивительно, что столь многие талантливые писатели наших дней помещают своих вымышленных героев в прошлое.

The Telegraph

«Светила» вы проглотите за один присест, а дойдя до конца, пожалеете, что другой такой масштабной и увлекательной книги под рукой нет... Великолепно построенные композиция и сюжет — роман начинается неспешно,

размеренно, а заканчивается головокружительным спуском с горы... Амбициозно, затейливо, зрелищно. Доставьте себе удовольствие, прочтите «Светила».

The Independent

Это шедевр... Талант и воображение автора таковы, что ей, видимо, под силу увести нас куда угодно; и всякий раз мы верим, что с таким вожатым не собьемся с пути... Замечательная книга.

Globe and Mail

Талантливо написанный, до абсурда смешной роман — нечто среднее между тайной запертой комнаты, спагетти-вестерном, игрой sudoku и «Тайной Эдвина Друда».

New York Magazine

Сказать, что «Светила» не имеют себе равных по масштабности и размаху, — это ничего не сказать.

The Wall Street Journal

Густонаселенный, новаторский, грандиозный по замыслу роман. «Светила» — книга впечатляющая, захватывающая, яркая, полная всевозможных сюрпризов.

Times Literary Supplement

«Светила» — головокружительный детектив на восьмьсот страниц, с хитроумно закрученным сюжетом и разношерстной толпой персонажей под стать многотомному роману девятнадцатого века. То, что увлекательный, тщательно продуманный, многослойный роман Каттон по сути своей оказывается совсем прост, лишь прибавляет ему очарования.

Daily Mail

Невероятная, фантастически изощренная книга. Проза Каттон безукоризненна вплоть до последнего штриха — а это немалое достижение для романа, жизнь и смерть которого зависят от аутентичности диалогов, стилизованных под викторианскую эпоху, от точности воссоздания мира двуличия и мошеннических махинаций во всей его экзотичной многогранности. Роман тянет на восьмьсот страниц с лишним, но упорство читателя будет вознаграждено сторицей.

Evening Standard

Совершенно великолепный в своей щедрости роман. Каттон пишет настоящему умную, интеллектуальную прозу, с прихотливо закрученным сюжетом и тщательно выстроенными эпизодами.

Scotsman

В высшей степени оригинальный, до мелочей продуманный, тематически убедительный, исполненный экспрессии детектив.

Good Book Guide

Удивительно живая и яркая книга... «Светила» заслуженно удостоены Букеровской премии 2013 года. Полнокровные персонажи, нетривиальная детективная интрига. Обычно автор либо прекрасный стилист, либо прекрасный рассказчик, но и то и другое встречается редко. Этой книгой Каттон доказала, что она исключение из правил.

Booker Marks

Каждое предложение в этой завораживающей истории, действие которой происходит на диком западном побережье Южного острова Новой Зеландии во времена золотой лихорадки, написано мастерски, неожиданный поворот сюжета в конце каждой главы заставляет нас тут же погружаться в следующую. «Светила» продуманы до мелочей — не оторвешься... стилизация под викторианский сенсационный роман в том же изящном, озорном духе, как у Сары Уотерс. Хочется устроиться с этой книгой в уютном кресле — и читать, читать.

Guardian

Интеллектуальная деконструкция и занятная попытка литературного чревовещания; по ощущению, роман ничем не уступает тем образцам классики девятнадцатого века, которым искусно подражает. И хотя я стремительно листал страницы в поисках ответа, призванного утолить мое мучительно нарастающее любопытство, я то и дело сбавлял темп, чтобы сполна насладиться описаниями персонажей и мягким юмором автора. Судьи Букеровской премии воистину попали на золотую жилу.

Sunday Express

За размах замысла и красоту исполнения девчонка заслуживает медали.

Daily Telegraph

Тщательно проработанная, неправдоподобно талантливая, затягивающая с головой книга... Каттон пишет человеческую комедию, вознесенную над надеждами, грязью, ложью и тайнами времен золотой лихорадки. Это не столько моралите, сколько убедительная демонстрация всемогущества рассказчика.

Irish Times

От мысли о том, что кто-то способен писать настолько блестяще в свои двадцать восемь лет, я скрежещу зубами так, что мой дантист без работы не останется. Спору нет, этот реверанс в сторону викторианского детектива — головокружительный успех сам по себе, и читается в захлеб.

Vice (Books of the Year)

Увлекательный роман в старомодном духе... Его сюжетно-тематический план, зеркально отражающий астрологические закономерности в идеально срежиссированном менюэте, выгодно отличает книгу среди всех прочих.

Independent on Sunday (Literary Fiction of the Year)

Роман, о котором можно было только мечтать; звезда первой величины.

The Economist

Лауреат Букеровской премии 2013 года — том весьма увесистый. Замысловатый сюжет затягивает с головой, страницы так и мелькают. Благодаря живому, энергичному диалогу, искрометному юмору и масштабности видения, книга далеко опережает своих конкурентов.

Daily Telegraph

Ошеломляюще.

Sunday Herald

Иногда, хотя и очень редко, появляется книга настолько замечательная, что остается только удивленно покачать головой. Великолепный по замыслу, блистательный по исполнению, этот роман — подлинный шедевр, произведение автора беспредельно, разносторонне талантливое. Окунуться в этот вымышленный мир — удовольствие невероятное.

Питер Хоббс

Все по-настоящему хорошие книги не поддаются жанровой классификации: они — вещь в себе. Захватывающий — во всех смыслах — роман Элеанор Каттон «Светила» наглядно подтверждает эту аксиому. Объем книги может показаться устрашающим — но бояться нечего! Автор, превосходный рассказчик, уверенно ведет нас через лабиринт человеческих жизней, и все они сходятся в одной точке самым неожиданным для нас образом. Ее историческое чутье таково, что под пером Каттон прошлое обретает актуальность будущего. В «Светилах» время отстывает, и сквозь трещины сюжета просвечивает тайна мироздания. Мне страшно не хотелось, чтобы книга закончилась, — в определенном смысле этого и не произошло. Авторские озарения не гаснут.

Джей Парини (автор «Последнего воскресения»)

«Светила» поразили меня в самое сердце. Этот мир, дикий и странный, эти незабываемые персонажи — и все сведены воедино так мастерски, что впору говорить о небесной гармонии. А то, что такая книга вышла из-под пера настолько молодого автора, заставляет с надеждой взглянуть на будущее романа как искусства. Звезда первой величины во всех смыслах.

Пол Мюррей (автор «Скитни умирает»)

Встречаются иногда книги, которые возносят вас над хламом повседневной рутины, разбирают вас на части, собирают заново — и оставляют с ощущением, будто ты провел отпуск в компании гения. Новый потрясающий роман Элеанор Каттон «Светила» именно таков... Каттон — удивительная писательница, а это — удивительная книга.

The New Zealand Herald

Книга «Светила», удостоенная Букеровской премии за 2013 год, стала бы выдающимся достижением для автора любого возраста, не говоря уж о том, кого от тридцатилетнего юбилея отделяет еще несколько лет. Каттон

создала масштабный, детально проработанный, великолепно написанный, увлекательный исторический роман... Объемом более восьмисот страниц, «Светила» — это своего рода реверанс литературе девятнадцатого века: список действующих лиц изрядно длинен; главы предваряются краткими аннотациями вроде: «Глава, в которой наши приверженности меняются, как явствует по нашим лицам»... Рассказ, насквозь пропитанный астрологией, прослеживает переплетение судеб расчетливых колониальных авантюристов, злополучных единокровных братьев, бесправных старателей-китайцев, аборигена-маори и оказавшейся в центре событий проститутки-опиуманки — молодой поклонник завещал ей целое состояние, а сам исчез бесследно: возможно, он мертв, а возможно, и нет. «Светила» — это книга, которой можно наслаждаться целиком, равно как и отдельными литературными находками, щедро разбросанными по каждой странице.

Quill & Quire

Южный остров Новой Зеландии, год 1866-й. Золотая лихорадка в разгаре, город Хокитика полон охотников за богатством и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Двенадцать человек сходятся в задней комнате захудалой гостиницы обсудить три преступления, в которые они так или иначе оказались впутаны: проститутка едва не умерла от передоза (уж не попытка ли самоубийства?), богатый юнец исчез бесследно, а в хижине покойного старателя обнаружился огромный золотой клад.

Эти двенадцать — включая священника и торгующего опиумом аптекаря, банковского служащего, двух китайцев и туземца-маори — выкладывают все как на духу случайно затесавшемуся в их ряды чужаку. Тут и кораблекрушения, и контрабандное золото, и шантаж, и опиумокурильни, мошенничество, месть, несчастная любовь, случайные выстрелы, спиритический сеанс и суд; есть тут и пропавшие грузовые контейнеры, и спрятанные документы, и потерянные состояния.

В этой книге, удостоенной Букеровской премии, викторианский роман сходится с Диким Западом (или Югом). Поневоле вспомнишь «Женщину в белом» Уилки Коллинза, а вот мне, скорее, мерещится песня Боба Дилана «Lily, Rosemary and the Jack of Hearts» («Лили, Розмари и Валет Червей»), растянутая на восемьсот с лишним страниц. Если это ваш глоток опиума, вы, того и гляди, на книгу подсядете — очень хорошо сделана!

The Times

Роман похож на гигантский кубик Рубика — грани сюжета сдвигаются и перестраиваются в новые комбинации и перспективы.

Vancouver Sun

«Светила» — удивительно многослойная книга: чем дальше читаешь, тем глубже погружаешься в бездны астрологической премудрости, просто дух захватывает. Истолковывать такую аллегоррию — занятие увлекательное само по себе, все равно что кроссворды разгадывать. Но «Светила» интересны не только этим.

Brisbane Times

*Посвящается папе, который видит звезды,
и Джуд, которая слышит их музыку*

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Положения звезд и планет в этой книге определяются астрономически. То есть мы признаем такое явление, как прецессия небесных тел, в силу которой смещается точка весеннего равноденствия — астрологический эквивалент Гринвичского меридиана. Прежде весеннее равноденствие (в южных широтах — осеннее) наступало, когда Солнце находилось в созвездии Овна, в первом из знаков. Сейчас оно происходит, когда Солнце находится в созвездии Рыб, в двенадцатом знаке. Следовательно, как непременно отметят читатели этой книги, каждый зодиакальный знак «начинается» примерно на месяц позже, чем принято считать. Этой поправкой мы никоим образом не пытаемся умалить ценность расхожих мнений, однако отмечаем, что вышеупомянутого заблуждения придерживаются вопреки такому материальному факту, как наш небесный свод XIX века; мы дерзнем предположить, что это убеждение отмечено знаком Рыб и, более того, показательно для тех, кто родился в эпоху Рыб — век зеркал, стойкости, интуиции, двойничества и сокровенных тайн. Этим знанием мы и довольствуемся. Оно еще больше подкрепляет нашу веру в обширное и мудрое влияние

беспредельных небес.

ТАБЛИЦА ПЕРСОНАЖЕЙ

СОЗВЕЗДИЯ:

Те Рау Тауфаре, *добытчик нефрита*
Чарли Фрост, *банковский служащий*
Бенджамин Левенталь, *издатель газет*

Эдгар Клинч, *отельер*
Дик Мэннеринг, *магнат, владелец золотых приисков*

Цю Лун, *златокузнец*
Харальд Нильссен, *комиссионер*

Джозеф Притчард, *аптекарь*
Томас Балфур, *владелец транспортно-судоходной компании*
Обер Гаскуан, *секретарь суда*

Су Юншэн, *«шлятник»*
Коуэлл Девлин, *торговый капеллан*

ПЛАНЕТЫ:

Уолтер Мади
Лидия (Уэллс) Карвер, *урожденная Гринуэй*
Фрэнсис Карвер
Алистер Лодербек
Джордж Шепард
Анна Уэдерелл
Эмери Стейнз

TERRA FIRMA¹:

Кросби Уэллс

СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ДОМ:

Хижина Уэллса (долина Арахуры)
Резервный банк (Ревелл-стрит)
Издательство «Уэст-Кост таймс» (Уэлд-стрит)

Гостиница «Гридирон» (Ревелл-стрит)
Золотой прииск «Аврора» (Каньер)

«Чайнатаунская кузня» (Каньер)
«Нильссен и К^о» (набережная Гибсона)

Курильня опиума (Каньер)
«Добрый путь» (барк, совершает регулярные рейсы до Порт-Чалмерса)
Здание суда Хокитики (магистратский суд)

«Удача путника» (Ревелл-стрит)
Хокитикская тюрьма (Сивью)

СОПУТСТВУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ:

Интеллект
Страсть

Насилие
Власть
Ограничение
В апогее (прежде в перигее)
В перигее (прежде в апогее)

(*покойный*)

¹ Твердая земля (*лат.*).

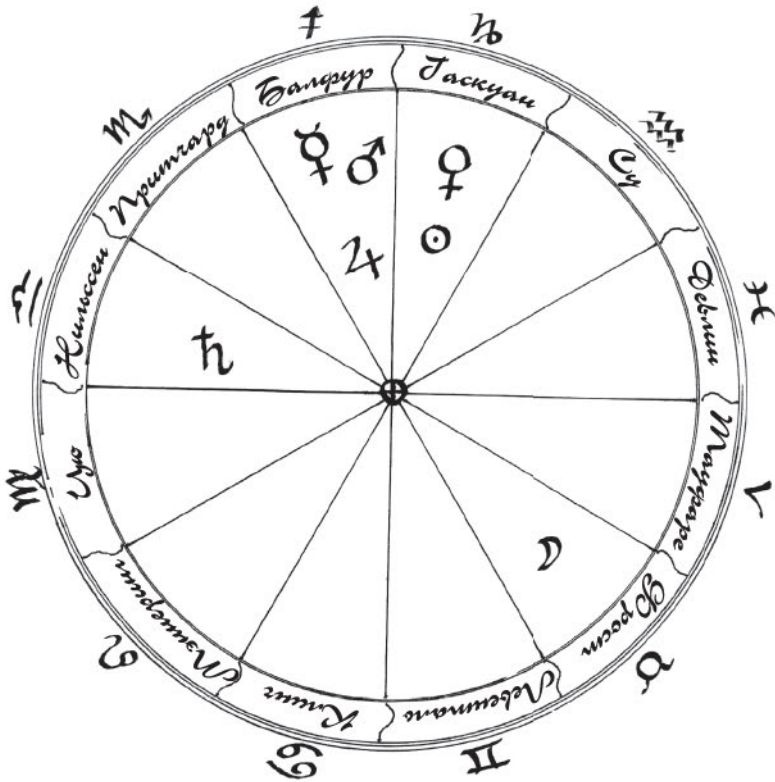
ОГЛАВЛЕНИЕ

I	Сфера внутри сферы	15
II	Пророчества	357
III	Дом саморазрушения	507
IV	Paenga-wha-wha	603
V	Груз и золото	693
VI	«Вдовушка» и платишки	729
VII	Обитель	753
VIII	Правда об «Авроре»	767
IX	Мутабельная земля	777
X	Вопросы наследования	783
XI	Закат Ориона, восход Скорпиона	789
XII	Старая Луна в объятиях новой Луны	793

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сфера внутри сферы

27 января 1866 года
42° 43' 0" ю. ш. / 170° 58' 0" в. д.

МЕРКУРИЙ В СТРЕЛЬЦЕ

Глава, в которой в Хокитике объявляется новое лицо; сорван тайный совет; Уолтер Мади отказывается поделиться свежим воспоминанием, а Томас Балфур приступает к рассказу.

Двенадцать человек, собравшиеся в курительной комнате гостиницы «Корона», на первый взгляд сошлись вместе по чистой случайности. Судя по разнообразию в их одежде и манерах — тут и сюртуки, и фраки, и широкие норфолкские куртки с поясом и роговыми пуговицами, и желтый молескин, и батист, и твил, — с тем же успехом эти люди могли быть двенадцатью совершенно чужими друг другу попутчиками в железнодорожном вагоне, которым суждено разбрестись по разным кварталам города, где туманы и морские приливы навеки разделят их. Действительно, нарочитая отчужденность каждого из присутствующих: один углубился в газету, второй, наклонившись, стряхивал пепел в камин, третий, растопырив пальцы поверх зеленого сукна, изготовился загнать шар в лузу — порождала ту самую осязаемую тишину, что нависает поздними вечерами над железной дорогой, вот только здесь вторгался в нее не глухой и невнятный лязг вагонов, но смачный шум дождя.

Во всяком случае, так показалось мистеру Уолтеру Мади, что стоял в дверном проеме, опершись рукою о косяк. Он понятия не имел, что нарушил какое-то тайное совещание, ведь все речи стихли, едва в коридоре послышались его шаги, а к тому моменту, как он открыл дверь, каждый из двенадцати вернулся к своему прерванному времяпрепровождению (игроки в бильярд встали куда придется, потому что все давно позабыли свои места), и так старательно все изобразили занятость, что, когда Уолтер вошел, никто даже глаз не поднял.

Полное единодушие, с каким эти люди его игнорировали, вероятно, возбудило бы любопытство мистера Мади, находишь он в доб-

ром здравии и в подходящем настроении. Но сейчас его душевное равновесие было поколеблено, его слегка подташнивало. Он загодя знал, что плавание в Западный Кентерберн¹ в худшем случае сулит ему гибель: непрекращающаяся качка на утлом корыте посреди бушующих, вспененных волн закончится на бурлящем кладбище Хокитикской отмели, но к конкретным ужасам путешествия он готов не был — к ужасам, которые до сих пор не мог облечь в слова, даже про себя. Мади был от природы нетерпим к собственным слабостям — страх и болезнь вынудили его уйти в себя, и потому он, вопреки обыкновению, не распознал чарящего в комнате настроения.

Обычно в лице Мади читался приветливый интерес. Его серые глаза, большие и немигающие, и изгиб упругих мальчишеских губ выражали вежливое участие. Волосы круто вились; в юности он носил локоны до плеч, но сейчас подстригал их совсем коротко, делил на боковой пробор и приглаживал с помощью ароматной помады, отчего золотистый оттенок темнел до маслянисто-русого. Лоб и щеки были квадратными, цвет лица — ровным. В его неполные двадцать восемь лет движения его, быстрые и четкие, дышали той проказливой, простодушной живостью, что не заключает в себе ни легковерия, ни вероломства. Он держался под стать тактичному, смышленому дворецкому, и в результате его дарили доверием самые немногословные натуры и приглашали стать посредником в отношениях между людьми, с которыми он только что познакомился. Словом, он обладал внешностью, которая мало что говорила о его истинном характере, зато немедленно к себе располагала.

Мади не то чтобы пребывал в неведении относительно того, какие преимущества дает ему эта отстраненная приветливость. Как многие из тех, кто красотой наделен в избытке, он придирчиво изучил собственное отражение в зеркале и в известном смысле лучше знал себя снаружи, чем изнутри; он вечно прятался в каком-нибудь из уголков своей души, наблюдая за собственным внешним состоянием. Немало часов провел он в алькове своей персональной гардеробной, где зеркало утраивало его образ: он видел себя в профиль, полупрофиль и фас — ни дать ни взять вандейковский «Карл I»²,

¹ *Кентерберн* — обширный регион Новой Зеландии, расположен в центральной части Южного острова, на западе граничит с регионом Уэст-Кост, на юге — с регионом Отаго. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

² *Антонис Ван Дейк* (1599–1641) — фламандский художник, живописец и график, мастер придворного портрета и живописи на мифологические и религиозные сюжеты. Его портрет «Карл I в трех ракурсах» (1636) изображает английского короля словно бы глядящимся в трельяж, боковые зеркала которого отражают его под углом.

только куда более импозантный. В этой тайной практике он бы никогда не признался: ведь как решительно осудили самоанализ столпы морали нашего века! Как будто сущность человеческая — это звук пустой, а в зеркало смотрятся лишь затем, чтобы укрепиться в гордыне; как будто акт самосозерцания не столь же тонок, изменив и непрост, как любая связь между родственными душами. Завороженный Мади стремился не столько восславить свою красоту, сколько подчинить ее себе. Безусловно, всякий раз, как он замечал свое отражение, будь то в коробчатом окне или в стекле с наступлением темноты, он трепетал от удовольствия — что-то подобное, должно быть, чувствует инженер, случайно столкнувшись с механизмом собственного изобретения и обнаружив, что механизм этот великолепен, весь блестит, хорошо смазан и работает в точности так, как задумывалось.

Вот и сейчас он мысленно видел себя в дверях курительной комнаты и знал, что выглядит воплощением безмятежной собранности. Он едва не падал с ног от усталости; на душу давило свинцовое бремя ужаса; ему казалось, за ним следят, его преследуют; его захлестывал страх. Он обвел глазами комнату с видом вежливо-отстраненным и одновременно уважительным. Помещение выглядело так, словно его заново отстроили по памяти спустя немало лет, когда многое позабылось (железные подставки в камине, подходящая каминная доска, шторы), но мелкие детали сохранились, например: портрет покойного принца-консорта, вырезанный из журнала и обувными гвоздиками приколотый к стене, обращенной во двор; шов поперек бильярдного стола, что был распилен надвое в Сиднейском порту для вящего удобства транспортировки; стопка широкоформатных газет на секретере — страницы их истерлись и засалились от прикосновений множества рук. Два маленьких оконца по обе стороны от очага выходили на задний двор гостиницы — заболоченный клочок земли, замусоренный деревянными ящиками и ржавеющими баками; от соседних участков его отделяли лишь заросли кустарника да низкий папоротник, а с севера — ряд клеток для сушек, с дверцами, скрепленными цепью для защиты от воров. За этими неопределенными рубежами виднелись провисшие бельевые веревки, протянутые туда и сюда между домами через квартал к востоку; штабеля необтесанных бревен, свинарники, горы металлического лома и листового железа, поломанные лотки и желоба — все заброшенное, все так или иначе в состоянии неисправном. Часы уже пробили тот поздний сумеречный час, когда все краски словно бы разом теряют яркость. Ливня лил дождь; сквозь подернутое рябью стекло двор

казался обесцвеченным и поблекшим. Внутри спиртовые лампы еще не вытеснили сине-зеленый свет угасающего дня: их тусклость лишней раз подчеркивала общую безотрадность внутреннего декора.

Жалкое то было зрелище для человека, привычного к своему клубу в Эдинбурге, где все подсвечено алым и золотым, а обитые декоративными гвоздиками диваны упитанно поблескивают, отражая габариты сидящих джентльменов; где на входе выдают мягкий жакет, от которого приятно пахнет анисом или мятой, а потом стоит шевельнуть пальцами в направлении звонка, и сей же миг появляется бутылка кларета на серебряном подносе.

Но Мади был не из тех, для кого скверные условия — это повод для хандры, грубая простота обстановки лишь заставила его внутренне отстраниться: вот так богач, столкнувшись на улице с нищим, поспешно шагнет в сторону и словно остекленеет. Пока он оглядывался по сторонам, кроткое выражение его лица нимало не изменилось, но каждая новая деталь — горка оплывшего воска под свечой, налет грязи на стекле — вынуждала его уходить все глубже внутрь себя и тем сильнее напрягаться всем телом в виду подобной картины.

Это отвращение, пусть и произвольное, объяснялось не столько пресловутой предвзятостью богатства — на самом деле Мади был лишь относительно богат и частенько бросал нищим монеты, хотя (надо признать) не без толики удовольствия при мысли о собственной щедрости, — сколько смятием чувств, которое он в настоящий момент незаметно для кого-либо пытался обуздать. В конце концов, это же городишко на золотом прииске, только-только построенный между джунглями и прибором на южной оконечности цивилизованного мира; откуда тут взяться роскоши!

Правда заключалась в том, что еще шести часов не прошло с тех пор, как на корабле, доставившем его от Порт-Чалмерса до дикого клочка побережья, Мади стал свидетелем события настолько из ряда вон выходящего, настолько впечатляющего, что впору было усомниться в реальности как таковой. Эта сцена все еще стояла у него перед глазами — словно на задворках сознания чуть приоткрылась дверь, впустив полосу тусклого света, и теперь он ни за что не захотел бы снова оказаться в темноте. Ему стоило немалых усилий не открыть дверь пошире. В столь уязвимом состоянии любая странность и любое неудобство способны были задеть до глубины души. Мади казалось, что вся эта гнетущая обстановка — не более чем совокушное эхо недавно пережитых испытаний; он с отвращением от-

странялся от нее, чтобы помешать собственным мыслям отследить эту связь и вернуться к прошлому. На помощь пришло надменное презрение. Оно дарило стойкое чувство меры, правоту, к которой можно воззвать — и почувствовать себя в безопасности.

Мади обозвал комнату убогой, жалкой, унылой — и, укрепив тем самым дух противу обстановки, обратился к ее двенадцати обитателям. Пантеон наизнанку, подумал он, и вновь почувствовал себя увереннее, потешив тщеславие.

Это были типичные колонисты — закаленные, покрытые бронзовым загаром, губы их растрескались и побелели, весь облик свидетельствовал о лишениях и нужде. Двое, в совершенно одинаковых парусиновых туфлях и серых хлопчатобумажных рубашках, были китайцами; позади них стоял абориген-маори, лицо его покрывали сине-зеленые спирали татуировки. О происхождении остальных Мади мог только гадать. Он еще не понимал, что работа золотодобытчика способна состарить человека за несколько месяцев; обводя взглядом комнату, он почитал себя самым юным из присутствующих, в то время как в действительности несколько человек были моложе его или приходились ему ровесниками. Пыл юности давно в них погас. Они навсегда останутся такими, как сейчас, — ворчливо-недовольными, беспокойными, хваткими, посеревшими, выкашливающими пыль в темные морщинистые ладони. Мади считал их неотесанными мужланами, по-своему колоритными, но... птицами невысокого полета; Мади взять не мог в толк, почему они все молчат. Ему хотелось заказать бренди, присесть где-нибудь и закрыть глаза.

Войдя, Мади выжидательно помешкал в дверях, но, видя, что его не спешат ни поприветствовать, ни прогнать, шагнул вперед и осторожно прикрыл за собою дверь. Он изобразил поклон, ни к кому конкретно не адресованный — в сторону окна, затем в сторону очага, — и, представившись тем самым всем и каждому, подошел к столику для закусок, где были выставлены несколько графинов, и принялся смешивать себе напиток. Он выбрал сигару, обрезал ее и, стиснув между зубами, вновь обернулся и обвел глазами посетителей. Похоже, его присутствие никого не затрагивало. Что ж, его это вполне устроило. Мади уселся в единственное свободное кресло, закурил сигару и откинулся назад с тайным вздохом, как человек, который знает, что покой и отдых им в кои-то веки вполне заслужены.

Но блаженство его длилось недолго. Не успел он вытянуть ноги и скрестить лодыжки (соль на брюках уже высохла — белыми разводами, такая досада!), как сидящий в кресле справа от него чело-

век подался вперед, ткнул в воздух огрызком сигары и поинтересовался:

— Послушайте, у вас тут, в «Короне», дело что ль какое?

Вопрос прозвучал несколько неожиданно, но Мади ничуть не изменился в лице. Учтиво поклонившись, он объяснил, что прибыл в город не далее как этим вечером и действительно снял комнату наверху.

— Только с корабля, стало быть.

Мади снова поклонился и подтвердил, что имел в виду именно это. А чтобы краткость ответа не сочли за грубость, он добавил, что приплыл от Порт-Чалмерса с намерением попытаться силы в золотодобыче.

— Славно, славно, — похвалил собеседник. — Тут выше по берегу новые россыпи обнаружили — прям прова! Черный песок; о нем повсюду трубят; черный песок по дороге на Чарльстон. Чарльстон, он, натурально, отсюда к северу. Хотя и в ущелье пока еще есть чем поживиться. Вы тут с напарником или один приехали?

— Один, — кивнул Мади.

— То есть никаких связей! — воскликнул незнакомец.

— Ну, — отозвался Мади, вновь удивляясь его формулировке, — я собираюсь заработать здесь состояние, вот и все.

— Никаких связей, — повторил собеседник. — И никакого дела; у вас ведь тут, в «Короне», никаких дел нет?

Что за наглость — спрашивать об одном и том же дважды! Но незнакомец, казалось, глядел вполне дружелюбно и даже несколько рассеянно, теребя пальцами отворот жилетки. «Вероятно, — подумал Мади, — я недостаточно ясно выразился».

— В здешней гостинице я только отдохнуть собираюсь, вот и все мои дела, — отвечал он. — В течение следующих нескольких дней я наведу справки обо всем, что касается золотодобычи: какие реки золотоносны, какие долины безрудны. Ознакомлюсь, так сказать, со старательским житьем-бытьем. Я намерен прожить в «Короне» неделю, а затем отправлюсь вглубь острова.

— То есть прежде вы золота не мыли?

— Нет, сэр.

— И даже «знаков» не видели?

— Золото я видел разве что в ювелирной лавке — на часах, на пряжке, там, а в чистом виде никогда.

— Но вы ведь о нем грезили, о чистом золоте! Мечтали, как будете стоять на коленях в воде, отделяя металл от шлихов!

— Пожалуй что и нет... наверное, нет, не то чтобы мечтал, — признался Мади. Столь экстравагантная речь его несколько озадачила; несмотря на всю свою рассеянность, собеседник говорил так увлеченно и с таким жаром, что это уже граничило с назойливостью. Мади оглянулся, надеясь поймать чей-нибудь сочувственный взгляд, но никто даже не посмотрел в его сторону. Он откашлялся и добавил: — Наверно, я мечтал о том, что будет после... то есть к чему золото ведет и чем может стать.

Кажется, ответ пришелся незнакомцу по душе.

— Алхимия наоборот — вот как я это называю, — отозвался он, — ну то есть весь этот старательский бизнес. Алхимия наоборот. Вы ведь понимаете, трансмутация — превращение не в золото, а превращение золота во что-то другое...

— Интересный образ, сэр. — Лишь много позже Мади осознал, насколько это представление созвучно с его недавней фантазией про «пантеон наоборот».

— А насчет наведения справок... — рьяно закивал незнакомец. — Справок, говорите. Вы небось станете расспрашивать про лопаты, про лотки для промывки, карты там, все такое...

— Да, именно так. Я намерен подойти к делу профессионально.

Незнакомец, развеселившись от души, откинулся к спинке кресла:

— Недельный пансион в гостинице «Корона», только чтобы вопросы позадавать! — Он громко хохотнул. — А потом две недели в грязи, чтобы вернуть свои денежки!

Мади вновь скрестил ноги. Он был не в том состоянии, чтобы разделить энтузиазм собеседника, но строгое воспитание не позволяло ему проявить неучтивость. Он мог просто извиниться за свою безучастность, сославшись на какое-нибудь общее недомогание, — собеседник, казалось, был настроен вполне сочувственно, с его неспокойными пальцами и булькающим смехом, — но Мади не привык откровенничать с посторонними и уж тем более жаловаться кому-либо на недуги. Он внутренне встряхнулся и бодрым тоном осведомился:

— А вы, сэр? Вы, верно, здесь постоянно живете?

— О да, — откликнулся собеседник. — «Судоперевозки Балфур», да вы нас наверняка видели, сразу за складами, местечко что надо — Верфь-стрит, сами понимаете. Балфур — это я и есть. А звать меня Томасом. Вам тут тоже без крещеного имечка никуда; на приисках «мистерам» не место.

— Так, значит, надо начинать упражняться уже сейчас, — отозвался Мади. — Меня зовут Уолтер. Уолтер Мади.

— Понял; да только вас станут кликать как угодно, только не Уолтером, — промолвил Балфур, поглаживая колено. — Может, Уолт Шотландец или Двуручный Уолт. Уолли Самородок. Ха!

— Такое имя еще надо заработать.

Балфур расхохотался.

— Долго ли умеючи? — подмигнул он. — Тут самородочки попадают размером с дамский пистолет, здоровущие, как дамские эти самые... и, в отличие от последних, пощупать их ничего не стоит — сами в руки идут.

Томасу Балфур, плотному, крепко сбитому здоровяку, стукнуло около пятидесяти. Волосы его, совсем поседевшие, были зачесаны назад со лба и низко спускались на уши. Он носил бороду лопатой и в веселую минуту имел обыкновение поглаживать ее сверху вниз сложеной в пригоршню рукой — как вот сейчас, радуясь собственной шутке. Процветание ему шло, отметил Мади, распознав в новом знакомце то спокойное ощущение собственной значимости, что возникает, когда пожизненный оптимизм подкреплен успехом. Балфур был без пиджака; широкий шелковый, превосходно пошитый галстук был заляпан соусом и ослаб у шеи. Мади мысленно типировал собеседника как свободолюбца — безобидного неконформиста, жизнерадостного во всех своих излияниях.

— Я ваш должник, сэр, — промолвил он. — Это первый из многих здешних обычаев, относительно которых я, по-видимому, пребываю в полном неведении. Если бы не вы, я непременно оплошал бы, назвавшись на прииске по фамилии.

Действительно, представления Мади о золотодобыче в Новой Зеландии были весьма поверхностны и основывались главным образом на очерках о золотых приисках Калифорнии — бревенчатые бараки, суходолы, пропыленные повозки и смутное ощущение (он сам не знал, откуда оно взялось), что колония вроде как тень Британских островов, неразвитый, дикий придаток престола и сердца Империи. То-то он удивился, огибая оконечности полуострова Отаго двумя неделями ранее, при виде роскошных особняков на холме, набережных, улиц и возделанных садов — удивлялся он и теперь, отметив, как хорошо одетый джентльмен передал шведские спички китайцу, а затем потянулся через него за бокалом.

Мади был выпускником Кембриджа; родился он в Эдинбурге, был наследником скромного состояния и штата из трех домашних слуг. Его круг общения — сперва в Тринити-колледже, потом, в не-

давние годы, в «Иннер темпле»¹ — вовсе не был отмечен заостренной церемонностью высшей знати, где в том, что касается предыстории и среды, один отличается от другого разве что рангом. Тем не менее образование сделало его замкнутым и сдержанным, ибо научило, что лучший способ понять любую социальную систему — это взглянуть на нее сверху. Со своими однокашниками по колледжу (одетыми в мантии и упившимися рейнвейном) он отстаивал слияние классов со всей страстью и пылом юности, однако, сталкиваясь с ним на практике, всякий раз вздрагивал. До поры он ведать не ведал, что золотой прииск — место грязное и рисковое, где все друг другу чужие и чужие этой земле, где в лотке бакалейщика золотых «знаков» может оказаться полным-полно, а в лотке юриста хоть шаром покати; сословных перегородок здесь нет. Мади был моложе Балфура лет на двадцать и изъяснялся с ним почтительно, хотя и сознавал, что Балфур стоит ниже его по общественному положению, сознавал и то, насколько разношерстная компания подобралась в этой комнате, — о происхождении их и статусе ему приходилось только гадать. Потому его учтивость была несколько скованной: так человек, которому нечасто доводится общаться с детьми, слабо себе представляет, что уместно, а что нет, и держится отстраненно и сурово, как бы ни хотел проявить сердечность.

Снисходительный тон не прошел незамеченным для Томаса Балфура — и он наслаждался от души. Он испытывал шутовскую неприязнь к тем, кто, как сам он выражался, «уж больно красно говорит», и любил их подначивать, провоцируя не на гнев, ведь это скучно, а на вульгарность. Он смотрел на чопорность Мади, как на модный воротник в аристократическом стиле, что давит невыносимо, — именно так Балфур воспринимал все условности приличного общества — как никчемные украшения; его забавляло, что из-за своей утонченной светскости чужак чувствует себя настолько не в своей тарелке.

Сам Балфур происходил из низов: Мади верно догадался. Отец Балфура работал в шорной мастерской в Кенте, и сын, вероятно, пошел бы по его стопам, если бы и отец, и конюшня не погибли при пожаре, когда ему только-только исполнилось десять; но он был тем еще непоседой, его обтрепанные манжеты и неугомонный нрав совершенно не вязались с мечтательным, слегка растерянным выражением его лица; упорный труд не пришелся бы ему по вкусу. Как бы

¹ «*Иннер темпл*» (или «Внутренний темпл») — самый старый и известный из четырех «Судебных иннов», четырех корпораций барристеров в Лондоне.

то ни было, коню за паровозом не угнаться, любил повторять он, и ремесло не выдержало натиска стремительных перемен. Балфуру очень нравилось думать, что он в авангарде эпохи. Когда он заговаривал о прошлом, казалось, каждое десятилетие, предшествующее нынешнему году, — это некачественная свеча, уже догоревшая и использованная. Он не испытывал ностальгии по атрибутам своей мальчишеской жизни — по темной жидкости дубильных чанов, по натянутым на каркасы шкурам, по мешочку из телячьей кожи, в котором отец хранил иглы и шило, — и редко вспоминал о них, разве что для сравнения с современным производством. Руда — вот где деньги. Угольные копи, сталь и золото.

Начал он со стекла. Проходив несколько лет в ученичестве, он основал собственное стекольное производство: скромный заводик, который со временем продал за долю в угольной шахте, что в свой срок расширилась до целого комплекса шахтных стволов; лондонские инвесторы выложили за него изрядную сумму. Балфур так и не женился. На свой тридцатый день рождения он купил билет в один конец на клипер, идущий в Веракрус, — то был первый этап девятимесячного путешествия, далее предстояло ехать по суше до калифорнийских золотых месторождений. Романтика старательской жизни для него скоро поблекла, но бешеный темп и сладкие чаяния приисков — нет; на первую же добытую порцию золотого песка он купил акции банка, за четыре года построил три отеля и разбогател. Когда калифорнийские недра подытожились, он все распродал и отплыл в австралийскую колонию Виктория — новое месторождение, новая, неисследованная земля — и оттуда, вновь услышав зов, долетевший из-за океана, словно напев эльфийской свирели на крыльях ветра, в Новую Зеландию.

За шестнадцать лет на золотоносных приисках Томас Балфур перевидал немало людей вроде Уолтера Мади и, надо отдать должное его характеру, сохранил за все эти годы глубокую симпатию и уважение к зеленым новичкам, еще не попробовавшим себя в настоящем деле. Балфур сочувствовал честолюбцам, как человек, добившийся успеха своими собственными силами, был выше стереотипов и обладал широкой душой. Он ценил предприимчивость, равно как и страстность. Он был склонен проникнуться к Мади симпатией уже просто потому, что этот человек взялся за род деятельности, о котором явно знал очень мало и от которого ожидал немалой прибыли.

Однако на тот вечер у Балфура были иные планы. Появление Мади застало врасплох двенадцать собравшихся, которые загодя

позаботились, чтобы их не потревожили. Гостиную в передней части дома закрыли «на частное мероприятие», а под навесом поставили мальчишку наблюдать за улицей, на случай, если кому-нибудь придет в голову зайти пропустить здесь стаканчик, — маловероятно, поскольку курительная комната «Короны» обычно не славилась ни своим обществом, ни привлекательностью и на самом-то деле довольно часто пустовала, даже вечерами в выходные, когда старатели толпами стекались с холмов обратно в город потратить добытый песок на выпивку в веселых домах. Мальчишка-дежурный был от Мэннеринга и держал наготове толстую пачку билетов на галерку для бесплатной раздачи. Новый спектакль — «Дух Востока» — не мог не понравиться; в фойе оперы уже громоздились ящики с шампанским, любезно предоставленные за счет самого Мэннеринга, в честь премьеры. При наличии таких развлечений и полагая, что никакой корабль не рискнет осуществить высадку пасмурным вечером столь непогожего дня (все прибытия, запланированные согласно графику движения судового транспорта на страницах «Уэст-Кост таймс», к тому времени уже были учтены), собравшиеся и не подумали принять меры предосторожности против случайного чужака, который, возможно, зарегистрировался в гостинице за каких-нибудь полчаса до наступления темноты и уже находился в здании, когда мальчишка Мэннеринга заступил на свой пост у крытого входа, на мокром крыльце, выходящем на улицу.

Уолтер Мади, несмотря на располагающий вид и учтиво-отстраненную манеру держаться, тем не менее был здесь непрошеным гостем. Все в толк не могли взять, как бы убедить его уйти, не дав при этом понять, что его присутствие нежелательно, и тем самым не выдав подрывного характера своего собрания. Томас Балфур взял на себя задачу «прощупать» чужака лишь в силу случайности — раз уж они оказались рядом у очага: счастливое совпадение, ибо Балфур, при всем своем фанфаронстве и пустозвонстве, был куда как въедлив и умел повернуть обстоятельства к вящей своей выгоде.

— Ну да, — отозвался он, — обычаи-то перенимаешь быстро, и всем приходится начинать с того же самого места, что и вы, — то есть с ученичества, собственно говоря, с нуля. А могу ли я полюбопытствовать, что заронило зерно в благодатную почву? Личный интерес у меня такой: больно уж хочется знать, что влечет людей сюда, на край земли? От какой такой искры человек так и зажигается?

Прежде чем ответить, Мади затянулся сигарой.

Каттон Э.

К 29 Светила : роман / Элеанор Каттон ; пер. с англ. С. Лихачевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 800 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-08707-1

Представляем читателям роман-лауреат Букеровской премии 2013 года и, пожалуй, наиболее яркое событие за всю историю этой престижной награды. Книга побилла сразу два рекорда: «Светила» — самое крупное произведение за всю историю премии, а Элеанор Каттон — самый молодой лауреат (28 лет).

Добро пожаловать в Новую Зеландию в самый разгар золотой лихорадки. Двенадцать человек — включая священника, аптекаря, издателя местной газеты, двух китайцев и туземца-маори — сходятся в задней комнате захудалой гостиницы обсудить несколько таинственных происшествий, в которые они так или иначе оказались впутаны: бесследно исчез фантастически удачливый юноша, которому принадлежит львиная доля местных участков, а в хижине умершего той же ночью бедного старателя обнаружился огромный золотой клад, после чего самая популярная из «ночных бабочек» Хокитики решительно встала на путь исправления. Двенадцать заговорщиков выкладывают все как на духу случайно затесавшемуся в их ряды незнакомцу. Тут и кораблекрушения, и контрабандное золото, и шантаж, и несчастная любовь, мошенничество, месть, случайные выстрелы, спиритический сеанс и суд; есть тут и пропавшие грузовые контейнеры, и спрятанные документы, и потерянные состояния. Казалось бы, «Светила» — это добрый старый детектив наподобие «Женщины в белом» Уилки Коллинза. Однако структура книги основывается на астрологии: автор рассчитывала движение звезд и планет по мере развития сюжета, ведь действующие лица связаны с небесными телами. Двенадцать «звездных» героев, соответствующих зодиакальным знакам, и семь «планетарных» — все вращаются вокруг героя-«земли», убитого при таинственных обстоятельствах.

В 2020 году на телеканале Би-би-си вышла одноименная экранизация. Постановщик — Клэр Маккарти, в главных ролях Ева Грин, Ив Хьюсон, Химеш Патель. Над сценарием сериала работала сама Элеанор Каттон.

УДК 821.111
ББК 84(8Н63)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛЕАНОР КАТТОН
СВЕТИЛА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Анастасия Келле-Пелле,
Елена Шнитникова

Подписано в печать 06.08.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-16715-01-R